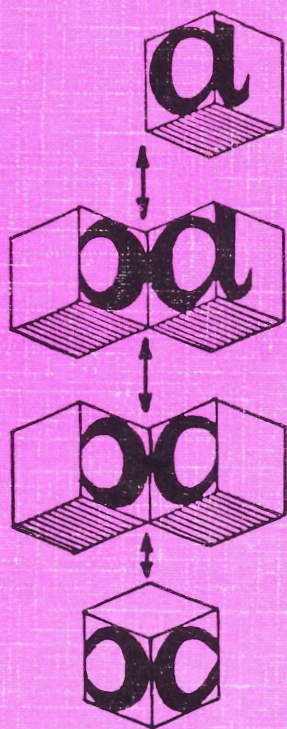
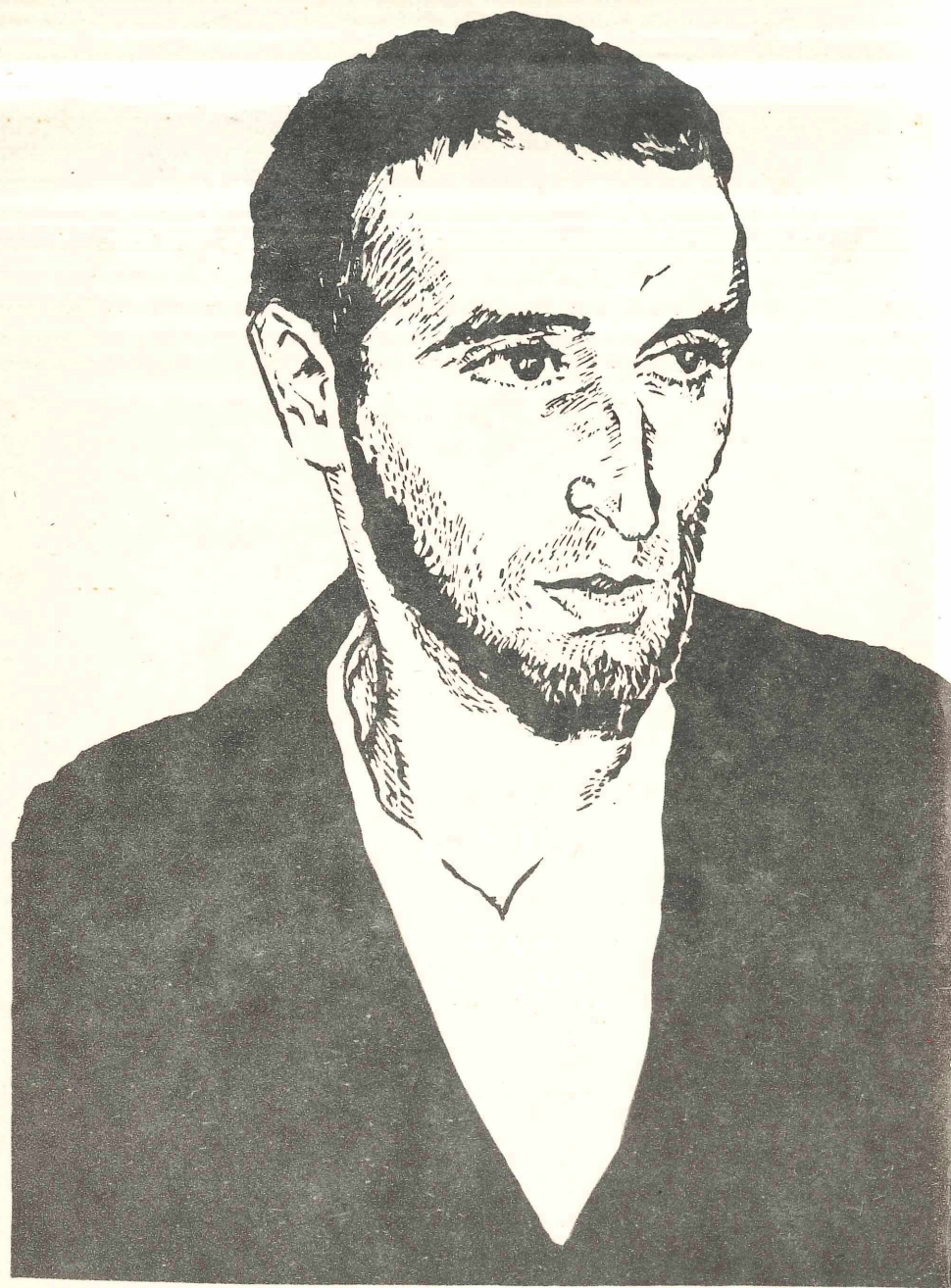

З Н А К

памяти А. Н. Журина

ЗНАК

Сборник статей
по лингвистике,
семиотике и поэтике

Русский учебный центр
Москва

1994

ББК 81
3-72

Ответственные редакторы:

канд. филол. наук В. И. Беликов
канд. филол. наук Е. В. Муравенко
канд. филол. наук Н. В. Перцов

Портрет выполнен А. А. Кибрик

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Международного фонда «Культурная инициатива»

3-72 Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС, 1994. 304 с.
ISBN 5-86013-003-1

ББК 81

Статьи сборника отражают многообразие интересов А. Н. Журина; на материале ряда языков Европы, Азии, Африки решаются проблемы лингвистической теории, истории языка, описываются различные уровни языковой структуры. Ряд статей посвящен поэтике, семиотике фольклорных текстов, паремиологии, а также теории лингвистических задач. Сборник заканчивается библиографией научных работ А. Н. Журина.

Сборник предназначен для широкого круга ученых-гуманитариев.

ISBN 5-86013-003-1

Л.И. Куликов

ТИПОЛОГИЯ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ:

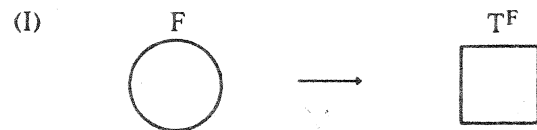
опыт решения одной лингвистической метазадачи

1. Вводные замечания: задачи и метазадачи

В настоящей работе предлагается решение одной лингвистической метазадачи, т. е. задачи, предметом которой являются не собственно языковые факты, а альтернативные и конкурирующие друг с другом описания одной и той же группы фактов. Мы попытаемся показать, что решение (или, по крайней мере, постановка) такого рода метазадач может оказаться полезным как для оценки адекватности той или иной лингвистической теории, так и для решения лингвистических задач «первого рода».

Одной из основ современной лингвистики является теория лингвистических моделей (ЛМ), в рамках которой практически вся деятельность лингвиста может быть представлена как решение лингвистических задач (ЛЗ), в результате чего строятся ЛМ того или иного типа (очерк различных типов моделей см., например, в [Ап-ресян 1967]).

Важнейшей разновидностью ЛЗ является анализ фактов того или иного конкретного языка — предложений, словосочетаний, парадигм и т. п. Результатом такого анализа является лингвистическая модель, или теория, первого типа — модель речевой деятельности — описание грамматики или фрагмента грамматики языка, которое в идеале должно «воспроизводить» вышеупомянутые языковые факты, тем самым имитируя речевую деятельность. Обозначая множество анализируемых фактов (овальный контур) через F , а соответствующую им модель (прямоугольный контур) — через T^F , можем представить решение такой ЛЗ в виде схемы (I):

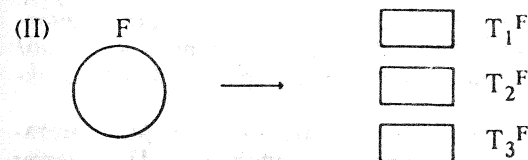

«Масштабы» модели T^F (и, соответственно, ведущей к ее построению ЛЗ) могут варьировать в широком диапазоне — от исчерпывающего грамматического описания конкретного языка, которое

в идеале должно порождать все возможные фразы на данном языке, или различного размера фрагментов такой грамматики (например, описание глагольной системы, синтаксиса и т. п.), до миниатюрных теорий, построенных на основе анализа ограниченного материала и моделирующих функционирование одной-двух категорий; образцом такого рода мини-задач могут служить принадлежащие А. Н. Журиному [Журинский 1993], А. А. Зализняку [Зализняк 1963] и другим авторам лингвистические задачи школьных олимпиад. Несмотря на огромные различия в размере и трудоемкости решения — от многотомной академической грамматики до занимающей (вместе с решением-моделью) менее страницы ЛЗ для школьника, — все эти задачи устроены по одной и той же принципиальной схеме (I).

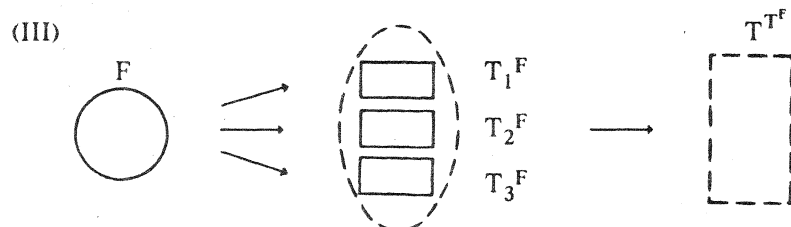
Некоторым усложнением ЛЗ этого типа можно считать ситуацию, когда объектом исследования является набор фактов не одного, а нескольких языков, причем лингвистические данные подобраны так, что оказываются релевантными для описания одной и той же категории (падежа, залога и т. п.). Результатом решения такой ЛЗ должна быть типология соответствующей категории (а сам процесс решения можно было бы назвать типологизацией) — модель, которая должна уметь, с одной стороны, характеризовать поведение исследуемой категории в произвольном языке, помещая его в то или иное поле соответствующей типологической классификации (являющейся частью этой модели), а с другой стороны — формулировать некоторые утверждения о том, как в принципе может быть устроена эта категория, и, в идеале, предсказывать некоторые принципиальные особенности ее функционирования в произвольном языке¹. В дальнейшем речь будет идти именно об этом подтипе ЛЗ.

Ясно, что при исследовании некоторого достаточно сложно устроенного явления F в ряде языков может возникнуть ситуация, когда разными исследователями будут предложены альтернативные описания T_1^F , T_2^F , ... этого явления:

¹ Строго говоря, такая теория занимает промежуточное положение между ЛМ двух типов — моделями речевой деятельности и исследовательскими моделями, выходом которых собственно и являются определенные категории морфологии и синтаксиса. Мы, однако, не хотели бы ставить знак равенства между построением модели данной категории и ее типологизацией — двумя исследовательскими процедурами, взаимодополняющими друг друга и в значительной степени опирающимися друг на друга, но далеко не тождественными (за недостатком места мы не имеем возможности подробно обосновать это положение).

В этом случае нам придется либо без какой-либо аргументации отвергнуть все описания, кроме одного (что было бы, разумеется, крайне субъективным и малоприемлемым подходом), либо попытаться сопоставить различные описания (типологии) $T_1^F, T_2^F, \dots$ в рамках некоторой теории более высокого порядка — метатеории. ЛЗ, которую потребуется решить при этом (ее предметом послужит уже не множество языковых фактов, а множество теорий, показанное на схеме (III) пунктирным овальным контуром), уместно было бы назвать метазадачей.

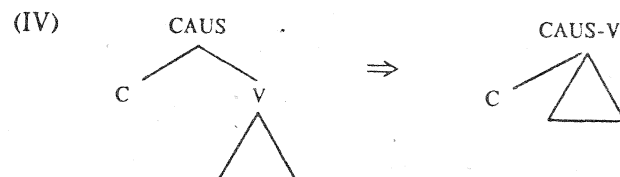
В задачи метатеории может входить оценка полноты, простоты, экономичности и других характеристик альтернативных описаний²; может, однако, потребоваться и более сложная, неколичественная оценка теорий, предполагающая их классификацию и/или иерархизацию по какому-либо содержательному параметру — особенно если число таких альтернативных теорий (типологий) достаточно велико. К сожалению, в работах последних лет эта проблематика если и затрагивается, то лишь весьма косвенно — в полемике сторонников одной из теорий, отстаивающих ее преимущества перед всеми прочими. Между тем, число альтернативных решений некоторых излюбленных проблем лингвистической типологии (таких, как синтаксис пассивных и каузативных конструкций, порядок слов и т. п.) давно измеряется двузначным числом. В такой ситуации чрезвычайно желательным представляется построение метатеории (или хотя бы ее фрагмента), в рамках которой нашли бы себе место все (или многие) теории более низкого, первого, порядка, причем их сопоставление не ограничивалось бы чисто оценочными характеристиками типа «более/менее адекватно», «изяжно/громоздко» и т. п., а носило бы достаточно содержательный характер.

Данная работа представляет собой опыт такого рода метатеории — своего рода фрагмент типологии типологий. Предметом исследования послужили описания типологии каузативных конструкций (КК), предложенные за последние 20 лет в рамках различных синтаксических теорий. Как нам кажется, КК представлял собой объект исследования, чрезвычайно удобный для сопоставления синтаксических теорий: с ними связан компактный круг

проблем — точнее, даже ровно одна проблема, которая может быть строго сформулирована и в то же время носит весьма нетривиальный характер, оставляя простор для теоретика.

2. Синтаксис каузативных конструкций: к постановке задачи

Проблемы, возникающие при описании синтаксиса КК, связаны в первую очередь с тем, что каузативное преобразование, как и другие типы актантной деривации, сопровождается изменением валентной структуры исходного глагола. Каузативизация представляет собой «навешивание» на исходную синтаксическую структуру предиката CAUS — «каузировать», что предполагает замещение исходной синтаксической структурой второй валентности предиката CAUS. Иначе говоря, имеет место embedding — вставление одной предикации в другую. Собственно каузативное преобразование заключается в склеивании предиката CAUS и вершины вставленной предикации — исходного глагола V — в единый предикат CAUS-V; при этом единственный именной актант предиката CAUS и все поддерево, зависящее от V, передаются новому предикату CAUS-V:

Если рассматривать CAUS-V как дериват V, нетрудно заметить, что каузативизация сопровождается появлением дополнительного актанта — каузатора (C). Каузатор, референт которого является главным действующим лицом каузативной ситуации, обладает приоритетом перед всеми прочими актантами и поэтому занимает синтаксическую позицию подлежащего. Однако в синтаксической структуре исходного (вставленного) предложения обычно уже содержится актант, являющийся подлежащим исходного глагола, который мы будем называть субъектом каузируемой ситуации (сокращенно СКС; он же — объект каузации, *causee* в англоязычной лингвистической литературе). СКС вытесняется каузатором с позиции подлежащего и понижается до какого-либо дополнения — в одних случаях до прямого дополнения (DO), в других — до непрямого (IO) или косвенного (Obl), что отражается в языке с развитой падежной системой в оформлении аккузативом, дативом или каким-либо иным косвенным падежом. Ср., например, следующие тувинские примеры (СКС выделен жирным шрифтом):

(1a) оол доң-ган ⇒
мальчик:НОМ мерзнуть-ПРОШ
‘мальчик замерз’

² Ряд критериев оценки таких параметров, формализованных, в частности, И. А. Мельчуком, описывается в [Апресян 1967].

- (16) *ашак оол-ду доң-ур-ган*
 старик:НОМ мальчик-АКК мерзнуть-КАУЗ-ПРОШ
 'старик заморозил мальчика'
- (2a) *ашак оол-ду эттэ-эн* ⇒
 старик:НОМ мальчик-АКК бить-ПРОШ
 'старик побил мальчика'
- (26) *Байыр ашак-ка оол-ду этте-т-кен*
 Байыр:НОМ старик-ДАТ мальчик-АКК бить-КАУЗ-ПРОШ
 'Байыр заставил старика побить мальчика'
- (3a) *Байыр Сарыг-оол-га бижек-ти бер-ген* ⇒
 Байыр:НОМ Сарыг-оол-ДАТ нож-АКК дать-ПРОШ
 'Байыр дал Сарыг-оолу нож'
- (36) *ашак Байыр-дан Сарыг-оол-га бижек-ти*
 старик:НОМ Байыр-АБЛ Сарыг-оол-ДАТ нож-АКК
бер-гис-кен
 дать-ПРОШ
 'старик заставил Байыра дать нож Сарыг-оолу'

Таким образом, основная проблема заключается в следующем:

- (V) как предсказать синтаксическую позицию СКС (DO, IO, Oby) в каузативной конструкции?

Часто этот вопрос сводится к более простому:

- (VI) как предсказать падеж СКС?

Решению этой задачи были посвящены практически все работы по синтаксису КК, появившиеся в 70-80 гг., где было предпринято несколько попыток построить синтаксическую теорию (или использовать какую-либо из уже существующих, возможно, с некоторыми модификациями), позволяющую предсказать синтаксическое поведение (в первую очередь, падежное оформление) СКС.

3. Типологии каузативных конструкций

Поскольку исчерпывающее описание всех имеющих отношение к данной проблеме синтаксических теорий невозможно в рамках небольшой статьи, мы ограничимся кратким очерком трех наиболее популярных типологий.

3.1. Теория Комри: синтаксически ориентированный подход

Пожалуй, наибольшей популярности достигла типология КК, предложенная Б. Комри [Комри 1974; Комри 1976]. Теоретической основой гипотезы Комри является так называемая иерархия доступности именных групп (ИГ) (подробнее о ней см., например, [Кинэн, Комри 1982]):

- (VII) S < DO < IO < Oby

Чем левее располагается в иерархии (VII) синтаксическая роль, тем большим синтаксическим приоритетом она обладает.

Характер понижения синтаксического статуса СКС (бывшего подлежащего) связан с тем, что язык, как правило, запрещает дублирование синтаксических ролей (т. е. невозможно более чем одно подлежащее, более чем одно прямое дополнение и т. д. — при условии, что эти актанты не являются однородными членами в рамках одного простого предложения (clause)), таким образом:

- (VIII) СКС понижается до первой (в иерархии доступности) свободной синтаксической позиции.

Итак, если вершиной исходного предложения является одноместный, непереходный, глагол, СКС скорее всего понизится до статуса прямого дополнения, если переходный без непрямого дополнения — до непрямого (дативного) дополнения; если переходный с непрямым дополнением (битранзитивный) — до какого-либо косвенного дополнения (шомер в терминах реляционной грамматики) — часто это бывает инструментальное дополнение, оформляемое так же, как и агенс при пассиве.

Гипотеза Комри хорошо подтверждается такими языками, как французский или тюркские, ср. тувинские примеры (1—3) или следующие французские пары:

- (4a) *Marie court* ⇒
 'Мария бежит'
- (4б) *Je fais courir Marie*
 'я заставляю Марию бежать'
- (5a) *Jean mange les gâteaux* ⇒
 'Жан ест пирожные'
- (5б) *Je fais manger les gâteaux à Jean*
 'я кормлю Жана пирожными'
- (6a) *Jean écrit une lettre au directeur* ⇒
 'Жан пишет письмо директору'
- (6б) *Je fais écrire une lettre au directeur par Jean*
 'я заставляю Жана писать письмо директору'

Таким образом, в рамках гипотезы Комри падежное оформление (и, шире, синтаксические свойства) СКС предсказываются на основе синтаксических характеристик исходного предложения — т. е. свойств, которые могут быть сформулированы в терминах валентной структуры исходного глагола (непереходный, переходный, битранзитивный и т. д.).

Следует, однако, признать, что эта подкупающая простотой и изяществом теория не для всех языков работает так же безупречно, как для романских или тюркских. Отступления от правила (VIII) довольно часты и отмечены самим Комри. Ср., например, два альтернативных способа оформления каузативной конструкции в санскрите:

- (7a) *devadattah kaṭam karoti* ⇒
 Девадатта:НОМ циновка:АКК делает
 'Девадатта делает циновку'
- (7б) *devadattam kaṭam kārayati*
 Девадатта:АКК циновка:АКК делает:КАУЗ
 '[Он] заставляет Девадатту делать циновку'
- (7в) *devadattena kaṭam kārayati*
 Девадатта:ИНСТР циновка:АКК делает:КАУЗ
 '[Он] заставляет Девадатту делать циновку'

С одной стороны, СКС может понизиться до уже занятой в исходной структуре синтаксической позиции (например, до позиции прямого дополнения при каузативизации переходного глагола, как в (7б); ср. также пример (10) из кечуа) — в этом случае имеет место «дублирование» одного из синтаксических статусов (по крайней мере, на уровне падежного оформления). С другой стороны, СКС может «проскочить» первую свободную позицию и понизиться в синтаксическом статусе более чем необходимо (например, до инструментального дополнения при каузативизации двухместного переходного глагола, как в (7в); ср. также (8)).

Такого рода исключениям обязаны, между прочим, своим существованием многочисленные альтернативные типологии КК, появившиеся вскоре после работ Комри.

3.2. Теория Коула: семантически ориентированный подход

Гипотеза Питера Коула была изложена в наиболее полном виде в работе [Коул 1983]. Полемизируя с Комри и некоторыми другими авторами, Коул утверждает, что синтаксическая позиция СКС в КК определяется в первую очередь не синтаксическими (формальными), а семантическими и прагматическими факторами. Он предлагает гипотезу агентивности (Agency hypothesis), согласно которой

(IX) синтаксическая роль СКС зависит от его семантической роли (степени агентивности) в исходном предложении.

В идеальном случае СКС маркируется тем способом, который обычно используется в данном языке для кодирования семантической роли, в которой выступает СКС в исходном предложении, то есть

- а) агентивный СКС (*Х бьет Y-a*) — как инструментальное или косвенное (дативное) дополнение;
- б) экспериенциальный СКС (*Х видит Y-a*) — как не прямое дополнение;
- в) пациенс-СКС (*Х умирает*) — как прямое (аккузативное) дополнение.

Ситуация, близкая к идеальной, существует, например, в боливийском кечуа, где существует три способа маркирования СКС: инструменталисом (тип а; ср. (8)), когда СКС максимально агентивен, сохраняя контроль над ситуацией; аккумулятивом (тип в, ср. (10)), когда СКС не контролирует ситуацию; дативом (тип б; ср. (9)) при глаголах восприятия и потребления (типа *есть*, *пить*), когда СКС является экспериенцером, занимающим промежуточное положение между агенсом и пациенсом по степени агентивности. Ср.:

- (8) *nuqa Fan-wan rumi-ta apa-ṣi-ni*
 я Хуан-ИНСТР камень-АКК нести-КАУЗ-1ЕД
 'я заставил Хуана нести камень'
- (9) *nuqa runa-man rik^hu-ṣi-ni*
 я человек-ДАТ увидать-КАУЗ-1ЕД
 'я показал [это] человеку'
- (10) *nuqa Fan-ta rumi-ta apa-ṣi-ni*
 я Хуан-АКК камень-АКК нести-КАУЗ-1ЕД
 'я заставил Хуана нести камень'

Таким образом, в теории Коула правило определения падежа СКС основано на иерархии семантических ролей, т. е. основной акцент перемещается с синтаксических признаков на семантические признаки, что позволяет противопоставить два рассмотренных выше подхода — Комри и Коула — с точки зрения характера доминирующего параметра. Первый может быть назван синтаксически ориентированным, второй — семантически ориентированным.

3.3. Референциально-ролевая грамматика Ван Валина и Фоли: опыт синтеза двух подходов

Каждая из описанных выше моделей имеет ряд серьезных недостатков. Обе в ряде случаев дают ложные прогнозы относительно синтаксического поведения СКС и неспособны объяснить выбор падежной формы. Так, синтаксически ориентированная модель не может объяснить связанное только с различиями в семантике варьирование падежного оформления СКС в КК, образованной на основе одного и того же исходного некаузативного предложения, как в кечуа (8, 10) или в следующих венгерских примерах:

- (11) *Köhögtetem a gyerekket*
 кашлять:КАУЗ мальчик:ИНСТР
 'я заставил мальчика кашлять'
 (например, попросив его об этом)
- (12) *Köhögtetem a gyerekket*
 кашлять:КАУЗ мальчик:АКК
 'я заставил мальчика кашлять'
 (например, пустив ему дым в лицо)

[Хецрон 1976]

С другой стороны, семантическая модель не может объяснить различия в поведении СКС, связанные только с синтаксическим

помимо уже упоминавшейся модели Коула, оказывается, например, концепция Р. Бёма [Бём 1981], в рамках которой, правда, уделяется несколько больше внимания синтаксическим параметрам. Наконец, значительное сходство с референциально-ролевой грамматикой Ван Валина и Фоли обнаруживает функциональная грамматика С. Дика [Дик 1980], также занимающая срединное положение на шкале. К последним двум моделям довольно близка теория С. Старосты (известная под названием Lexicase), представляющая собой вариант падежной грамматики Ч. Филлмора и, соответственно, обнаруживающая некоторый перевес семантических параметров, формулируемых в терминах глубинных падежей [Староста 1978].

Разумеется, предложенная классификация носит достаточно схематичный характер и не исчерпывает все разнообразие синтаксических моделей. Некоторые теории с трудом поддаются характеристике по типу ориентации (так, по-видимому, обстоит дело с грамматикой Р. Монтегю в изложении Д. Доути [Доути 1982]); другие же, хотя и затрагивают проблему описания синтаксиса КК, отказываются от формулировки единого правила, подобного тем, что приводились в разделе 3, считая выбор падежного оформления СКС в высшей степени идиосинкразическим процессом, — так поступает, например, М. Бейкер в своей версии порождающей грамматики [Бейкер 1988: 192]. Мы не утверждаем, что предложенный для классификации синтаксических теорий параметр является оптимальным. Мы лишь постарались привлечь внимание к одному из параметров, на основании которого возможна «типологизация типологий» и, таким образом, сделать шаг на пути к построению синтаксической метатеории.

4.2. К проблеме оценки адекватности модели в рамках метатеории

До сих пор в центре нашего внимания был только один параметр классификации типологий — «семантическая/синтаксическая ориентированность», — и лишь попутно высказывались отдельные замечания об адекватности того или иного подхода. Как уже упоминалось выше, «полярные» концепции (типа моделей Комри или Коула) неплохо описывают синтаксис КК в одних языках и оказываются с трудом применимыми к другим. Более того, есть языки, при описании которых целесообразно использовать и синтаксически, и семантически ориентированные модели. С этой точки зрения в наименее уязвимом положении оказываются, по-видимому, модели типа референциально-ролевой грамматики, комбинирующие оба типа и позволяющие «переключать» описание из одного режима в другой, — например, в РРГ переход от семантических ролей к синтаксическим статусам (и, соответственно, падежному оформлению) может происходить как через уровень А/П (что в основном соответствует синтаксически ориентированному подходу), так и минуя его (так называемая «ролевая доминация»).

Мы ограничимся сделанными выше краткими замечаниями об оценке адекватности различных типологических моделей в терминах предложенной классификации. Не исключено, что и другие содержательные классификации, подобные предложенной выше, могут служить этой цели, — но ответ на этот вопрос уже выходит за рамки настоящей работы.

Список сокращений

А — актор	П — претерпевающий
АБЛ — аблатив	ПРОШ — прошедшее время
АКК — аккузатив	РРГ — референциально-ролевая грамматика
ДАТ — датив	СКС — субъект каузируемой ситуации
ИНСТР — инструменталис	1ЕД — 1 лицо единственного числа
КАУЗ — каузатив	ДО — прямое дополнение
КК — каузативная конструкция	ИО — не прямое дополнение
ЛЗ — лингвистическая задача	Obl — косвенное дополнение
ЛМ — лингвистическая модель	S — подлежащее
НОМ — номинатив	

Литература

- Апресян 1967 — Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1967.
- Бейкер 1988 — Baker M. C. *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago — London, 1988.
- Бём 1981 — Böhm R. On Causing Without a Subject // *Lingua*. 1981. Vol. 53, № 1, p. 3—31.
- Гибсон, Рапосо 1986 — Gibson J., Raposo E. Clause Union, the Stratal Uniqueness Law, and the Chômeur Relation // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1986. Vol. 4, № 3, p. 295—331.
- Дик 1980 — Dik S. C. *Studies in Functional Grammar*. London etc., 1980.
- Доути 1982 — Dowty D. *Grammatical Relations and Montague Grammar* // *The Nature of Syntactic Representation*. Dordrecht, 1982, p. 79—130.
- Журинский 1993 — Журинский А. Н. Слово, буква, число: Обсуждение самодостаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. М., 1993.
- Зализняк 1963 — Зализняк А. А. Лингвистические задачи // *Исследования по структурной типологии*. М., 1963. С. 137—159.
- Кинэн, Комри 1982 — Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. М., 1982. С. 111—165.

- Комри 1974 — Comrie B. Causatives and Universal Grammar // Transactions of the Philological Society, 1974 (1975), p. 1—32.
- Комри 1976 — Comrie B. The Syntax of Causative Constructions: Cross-language Similarities and Divergences // Syntax and Semantics. Vol. 6. The Grammar of Causative Constructions. New York, 1976, p. 261—312.
- Коул 1983 — Cole P. The Grammatical Role of the Cause in Universal Grammar // International Journal of American Linguistics. 1983. Vol. 49, № 2, p. 115—133.
- Перлмуттер, Постал 1974 — Perlmutter D., Postal P. Lectures on Relational Grammar. Summer Linguistic Institute of the LSA, Univ. of Mass. Ms. 1974.
- Розен 1983 — Rosen C. Universals of Causative Union: A Co-proposal to the Gibson — Raposo Typology // Papers from the 19th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1983, p. 338—352.
- Староста 1978 — Starosta S. The One Per Sent Solution // Valence, Semantic Case, and Grammatical Relations. Amsterdam, 1978, p. 459—576.
- Фоли, Ван Валин 1984 — Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge, 1984.
- Хецрон 1976 — Hetzron R. On the Hungarian Causative Verb and Its Syntax // Syntax and Semantics. Vol. 6. The Grammar of Causative Constructions. N.Y., 1976, p. 371—398.

А. И. Коваль

ДЕРИВАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И КЛАСС: тенденции развития

При изучении и описании сложных именных классификаций, играющих важную организующую роль в грамматиках «классных» языков, существенно учитывать вопрос о перестройках, сдвигах и инновациях в рамках самих классных систем. Одним из факторов, дающих толчок к изменению системы именных классов, является массовый приток иноязычных слов-существительных. Как было показано А. Н. Журиным, освоение языком большого числа заимствований способно нарушить как соотношение классов по их продуктивности, так и те фонетические и семантические принципы, которые лежали в основе распределения существительных по классам [Журинский 1987]. Другой подход, предлагаемый здесь (и отнюдь не исключающий первого), ориентирован на изучение деривационной потенции именного класса в близких идиомах; он позволяет, как представляется, выявить эволюционный характер ряда процессов «внутри» классной системы и вместе с тем приоткрыть завесу над некоторыми деталями в истории формирования классов.

В языках с мощной системой именных классов механизм образования существительных обеспечивается если не исключительно, то преимущественно «классными» средствами. Это особенно наглядно проявляется в языках с развитой (синтетической) морфологией, где целям словообразования служит непосредственно показатель грамматической категории — класса. Так, в языке фула (данные которого будут рассматриваться далее) универсальным приемом формирования существительного является соединение корня/основы с аффиксальным показателем класса. Покажем это на примере следующих существительных, образованных от корня *bo*С-* 'баобаб' (где *С — синхронно невозстановимый согласный):

bok-ki, диал. *boh.e-hi* 'баобаб (одно дерево)', класс KI¹;
boy-re, диал. *boh(ee)-re* '(один) плод баобаба', класс NDE;

¹ По господствующей в фуланистике традиции классы именуются с опорой на форму классного анафорического местоимения (некоторым образом соотносимую, как видим, с суффиксом класса).

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
Н. Д. Арутюнова	
Загадки судьбы	9
Г. Е. Крейдлин	
Таксономия, норма, оценка	19
А. Е. Кибрик	
О неуниверсальности синтаксического членения предложения	27
А. Н. Латышева	
Сочинение и подчинение в сложных предложениях: дискус- сия двадцатых годов в контексте современной семантики	41
Л. И. Куликов	
Типология каузативных конструкций в современных синтак- сических теориях: Опыт решения одной лингвистической метазадачи	48
А. И. Коваль	
Деривация существительного и класс: тенденция развития	61
М. Е. Алексеев	
Именная классификация дагестанских языков: проблемы реконструкции	71
И. Н. Топорова	
Об одном аспекте лексической семантики именных классов в языках банту	79
О. В. Столбова	
К проблеме «двойных» сибилантов в древнеегипетском	87
С. А. Старостин	
Заметки о древнекитайском языке	93
В. А. Виноградов	
Ксенология и диахрония	126
А. Н. Головастиков	
Адаптация палийских заимствований в графическом бирман- ском языке	133

В. М. Алпатов	
Морфонологические особенности заимствований в современном японском языке	142
В. А. Плунгян	
К проблеме морфологического нуля	148
А. К. Поливанова	
Конкретно-языковое vs. универсальное	156
Е. В. Муравенко	
К описанию категории орудийности в русском языке: о соотношении форм с первообразными и производными предложениями	173
М. И. Воронцова, Е. В. Рахилина	
Предметные имена и предложные конструкции	181
И. А. Муравьева	
О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью	191
О. А. Казакевич	
Изобразительная лексика энецкого языка	203
Я. Г. Тестелец	
Лингвистические задачи и «Презумпция Незлобности Автора»	213
С. И. Гиндин	
К лингвистической теории метра и ритма	224
М. А. Кронгауз	
Бессилие языка в эпоху зрелого социализма	233
А. Н. Барулин	
О структуре языкового знака	245
В. И. Беликов	
Паремиологические заметки	252
С. Ю. Неклюдов	
Экскурс в область монгольской демонологии: автокомментарий эпического сказителя	262
Н. Н. Перцова	
Символика бытия у П. Флоренского и В. Хлебникова	269
Н. В. Перцов	
Лингвистические заметки о поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне»	278
Библиография научных трудов А. Н. Журина	298

Научное издание

ЗНАК

**Сборник статей по лингвистике,
семиотике и поэтике
памяти А. Н. Журина**

Редактор Т. Н. Леонтьева

Оригинал-макет издания подготовлен В. И. Беликовым
с использованием текстового редактора
MS Word 5.0 на компьютере IBM AT.
Макет статьи С. А. Старостина подготовлен автором
с использованием текстового редактора STARLING.

Формат 60×90¹/₁₆. Бум. №1. Гарнитура таймс.
Объем 19,0 печ. л. Тираж 1500 экз. Цена договорная.

Издательство «Русский учебный центр МС»
Москва, Измайловское шоссе, д. 4.

